

А. Ю. Маслова, А. С. Зоткина

РУССКИЕ АНТРОПОНИМЫ В РОМАНЕ М. ПАВИЧА «ПЕЙЗАЖ, НАРИСОВАННЫЙ ЧАЕМ»

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет,
г. Саранск, Россия*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу русских антропонимов в творчестве сербского постмодерниста, историка литературы, переводчика М. Павича, в произведениях которого представлена особая система имен. Антропонимы переосмысливаются автором, создают ассоциативные связи, выступают элементами интертекстуальности, участвуют в формировании художественной картины мира писателя.

Актуальность исследования обусловлена интересом к творчеству М. Павича, его неизменной популярностью у читателей; изучением влияния на него русской литературы и культуры, что неоднократно подчеркивал сам писатель; вниманием к различным формам проявления интертекстуальности как характерной черты постмодернистской прозы.

Материалом для исследования послужил один из «русских» романов М. Павича – «Пейзаж, нарисованный чаем»; использованы метод целостного анализа художественного текста, историко-литературный и культурно-исторический методы, интерпретативный анализ текста.

Антропонимы, отсылающие читателя к произведениям других авторов, в частности принадлежащих иной культуре, служат средством постмодернистской «игры». Сербский писатель, создавая особое художественное пространство, наделяет героев произведения именами, связанными с русской литературой, историей, культурой. Анализ антропонимов в романе позволил установить интертекстуальные и ассоциативные связи с классикой русской литературы, представленной именами А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, а также с русским фольклором. В статье выявлен художественный потенциал антропонимов, представлены характеристики героев романа, наглядно демонстрирующие своеобразную манеру автора идентифицировать образы посредством художественной номинации.

Литературная антропонимика в романе иллюстрирует диалог культур, в частности сербской и русской, как важную форму интертекстуальности в творчестве М. Павича.

Ключевые слова: *М. Павич, антропоним, интертекстуальность, аллюзия, прецедентное имя*

A. Yu. Maslova, A. S. Zotkina

RUSSIAN ANTHROPONYMS IN M. PAVIC'S NOVEL "LANDSCAPE PAINTED WITH TEA"

National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

Abstract. This article is devoted to the analysis of the Russian anthroponyms in the works of the Serbian postmodernist, literary historian and translator M. Pavic. The artistic world of the writer presents a particular system of names. Anthroponyms are reinterpreted by the author, they create associative links, act as elements of intertextuality and develop the artistic worldview of the writer.

The research rationale is due to the interest in the works of M. Pavic, his unfailing popularity among the readers; the study of the influence of Russian literature and culture, which has been repeatedly stressed by the writer himself; the attention to various forms of intertextuality as a characteristic feature of postmodernist prose.

The material for the research is presented by one of the “Russian” novels by M. Pavic, “Landscape Painted with Tea”. For the research the following methods were used: holistic analysis of the text, cultural and literary research methods, interpretive analysis of the text.

Anthroponyms referring the reader to the works of other authors, in particular belonging to another culture, serve as a means of postmodernist “game”. The Serbian writer, creating a special artistic space, gives his characters names associated with Russian literature, history and culture. The analysis of anthroponyms in the novel deliver intertextual and associative links with the classics of Russian literature represented by the names of A. Pushkin, L. Tolstoy, F. Dostoevsky, N. Gogol, Russian folklore. The article reveals the artistic potential of anthroponyms and presents the description of the characters in the novel, clearly demonstrating the author’s peculiar manner of identifying the images through artistic nomination.

Literary anthroponymy in the novel illustrates the dialogue of cultures, in particular Serbian and Russian, being an important form of intertextuality in the works of M. Pavic.

Keywords: *M. Pavic, anthroponym, intertextuality, allusion, precedent name*

Введение. Литературные имена собственные представляют собой богатый материал для постижения идейного смысла произведения и его художественной структуры. Изучением антропонимов в художественных произведениях занимается литературная, или поэтическая, ономастика. Однако исследование литературных антропонимов началось задолго до появления специальной дисциплины. Литературоведы отмечали неслучайный характер употребления говорящих имен собственных, которые напрямую или косвенно служили средством интерпретации литературного героя.

Имя героя является неотъемлемой частью его характеристики. На это указывал еще академик В. В. Виноградов, подчеркивая особую роль имен, фамилий и прозвищ в художественном тексте [8]. Исследователи считают антропонимы средством создания художественного образа. Так, В. А. Никонов обращает внимание на возможность характеристики социальной принадлежности через имя персонажа, передачи национального и местного колорита, воссоздания исторической правды [14].

Употребление имен исторических и мифологических личностей, литературных героев рождает ассоциации, появление которых зависит от ряда экстралингвистических факторов (культурный фон читателя, степень владения информацией об исторических событиях того или иного народа, начитанность и т. д.).

Тесная связь творчества выдающегося сербского писателя с русской культурой обусловила интерес к исследованию антропонимов русских исторических личностей, литературных персонажей или аллюзии, ассоциации, вызванные этими именами в романном творчестве М. Павича.

Отметим, что аллюзии, прецедентные имена рассматриваются как проявление интертекстуальности – одного из основополагающих признаков постмодернизма, ярким представителем которого является М. Павич. Используя «чужое слово» (по М. М. Бахтину [2]), автор вовлекает читателя в литературную игру, свойственную постмодернистской поэтике.

Цель данного исследования состоит в выявлении особенностей функционирования русских антропонимов и определении их роли в романе М. Павича «Пейзаж, нарисованный чаем».

Актуальность исследуемой проблемы. В настоящее время исследовательский интерес к ономастике, включая литературную антропонимику, не ослабевает. Так, С. А. Скуридина, представитель Воронежской ономастической школы, отмечает, что «литературная ономастика пользуется большим спросом как среди лингвистов, так и среди литературоведов» [20, с. 58]. При этом особое внимание уделяется прецедентным именам, поскольку, согласно замечанию Е. В. Богдановой, прецедентный характер литературных

антропонимов включает в себе «определенный культурный код, сформированные в национальном сознании ассоциативные связи и когнитивные концепты» [5, с. 373]. Актуальность исследования обусловлена вниманием ученых к феномену интертекстуальности и ее проявлению в художественном тексте; к изучению интертекстуальных связей, репрезентирующих диалог культур в произведениях зарубежных авторов.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужил роман М. Павича «Пейзаж, нарисованный чаем» [15]. Это один из его «русских» текстов, написанный в 1988 г. и удостоенный премии Национальной библиотеки Сербии как самая читаемая книга 1989 г. Название книги связано с рисунками сына М. Павича Ивана. В данном романе писатель подчеркнуто проявляет интерес к славянскому миру, используя элементы сербской и русской культур.

Теоретической основой явились труды в области ономастики П. Флоренского [22], В. Д. Бондалетова [7], М. В. Горбаневского [9], К. Б. Зайцевой [10], Ю. А. Карпенко [11], Э. Б. Магазаника [12], В. Н. Михайлова [13], В. А. Никонова [14], Е. В. Пчелова [18], А. В. Суперанской [21], О. И. Фояковой [24], А. А. Фомина [23], Л. М. Щетинина [28] и др.

Особый интерес при изучении значений имен людей в познании личности вызывают труды выдающегося ученого П. Флоренского, которого называли Леонардо да Винчи и Ломоносовым XX в. Первой главе книги «Имена» автор дает название «Ономатология» [22], взяв за основу два понятия – «ономастика» и «онтология» (учение о бытии). Материалом для исследования П. Флоренскому послужили высказывания писателей о выборе имен для персонажей, тексты произведений художественной литературы и устного народного творчества. В результате ученый пришел к следующему выводу: «Имя – тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность» [22, с. 35].

Помимо общих размышлений об особой роли имени в жизни человека, П. Флоренский приводит опыт анализа литературных имен, соотнесения судьбы героя с его именем. Ученый отмечает: «Нет сомнения: в литературном творчестве имена суть категории познания личности» [22, с. 42].

На современном этапе развития литературной антропонимики как научного направления исследователей привлекает постмодернистское творчество писателей. Так, например, к романам русского постмодерниста В. Пелевина обращаются такие исследователи, как К. Ю. Рылова [19], А. О. Белоконова [3], О. Н. Алтухова [1] и др.

Так, А. О. Белоконова в статье «Антропонимы в постмодернистском тексте: структурные и функциональные типы (на материале произведений В. О. Пелевина)» подразделяет антропонимы на две группы: имена, принадлежащие к русской и зарубежной системе онимов. Исследователь выделяет имена, отсылающие читателя к мифологическим и библейским героям и событиям, к персонажам русской и зарубежной литературы [3].

О. Н. Алтухова в диссертации «Ономастический контекст в постмодернистской литературе (на материале произведений В. Пелевина)» выявляет и рассматривает «сквозные антропонимы (возникающие в нескольких произведениях автора)» и «антропонимические единицы с необычным звучанием, связывающие произведения и их центральных персонажей, что помогает читателю проследить эволюцию образа главного героя в творчестве В. Пелевина» [1, с. 16].

В работе использованы описательный метод, предполагающий наблюдение, обобщение, интерпретативный анализ, историко-литературный, культурно-исторический методы и метод целостного анализа текста.

Результаты исследования и их обсуждение. По мнению исследователей, литературная антропонимика служит воплощению художественного замысла автора [4], [6], [20], [25]. Так, например, С. М. Болдырева отмечает, что «имя персонажа – ключ к его подсознанию, пониманию характера» [6, с. 2]. В творчестве М. Павича имена героев,

названия литературных произведений, упоминания классиков сербской и русской литературы, исторических личностей образуют поликультурное пространство, которое рождает у читателя различные ассоциации. Будучи постмодернистом, писатель часто играет со смыслами в пределах одного образа, создавая иронический или даже сатирический эффект. Главный герой романа Атанас Свилар – неудавшийся архитектор, решивший на сорок пятом году что-то изменить в своей жизни. Все его неудачи имеют первопричину: Афанасий – идиоритмик. Имя *Афанасий* рождает у русского читателя аллюзию на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Тверской купец путешествовал шесть лет, побывал в разных странах, много повидал и пережил. Мотив дороги характерен для русской литературы. Вспомним, например, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Дорожные жалобы» А. С. Пушкина, «Мертвые души» Н. В. Гоголя. Герой романа М. Павича также отправляется в путь на поиски своих корней. «Он вдохнул наконец запах собственного тела, принесенный откуда-то из-за моря, незнакомый, почти чужой запах своего “греческого” пота. И он стал видеть вещи отчетливо, словно смотрел сквозь слезы на иконе, а не собственными глазами» [15, с. 97].

В своих трудах философ П. Флоренский говорит о смене человеком имени и последствиях этой метаморфозы. Мотив смены имени красной нитью проходит и через весь роман М. Павича «Пейзаж, нарисованный чаем». Вначале автор приводит легенду о греке Йоане Сиропулосе, который согласился за деньги изменить имя и стать болгаринном. Вместе с этим полностью поменялась и его жизнь. Однако, находясь на смертном одре, будучи тяжелораненым, Йован просит привести к нему греческого священника, чтобы записать свое греческое имя на кресте. Эта притча использована М. Павичем не случайно. Она тесно связана с жизнью главного героя романа. Невозможно изменить свою сущность, ты рождаешься и умираешь с одним именем – вот в чем суть данной истории.

Меняет свое имя и главный герой, который узнает о своих русских корнях. Атанас Свилар становится Афанасием Разиным. «Перемена места в мире, новое онтологическое и мистическое, а отчасти и просто общественное соотношение с миром влечет за собою переименование» [22, с. 54], – пишет П. Флоренский. Другими словами, смену имени можно сопоставить с магическим ритуалом, обрядом, который в древности был направлен на то, чтобы обмануть духов. Главный герой романа тоже будто хочет провести высшие силы, переиграть собственную судьбу.

Вновь обретенная фамилия героя также включает в себе целый пласт русской истории и содержит аллюзию на Степана Разина. Разин – значимая фамилия для представителей русской культуры. Предводитель казацкой вольницы, бунтарь, волевой, решительный, смелый Разин стал настоящим народным героем. Обретя новую фамилию, Афанасий также делается решительным и дерзновенным. Символично, что с помощью Афанасия Разина, по мысли Е. В. Шатько, писатель «произвел личный метафорический расчет с югославским вариантом тоталитаризма, с эпохой Тито» [27, с. 11], с ограничением свободы, против чего и восстал в свое время Стенька Разин. Герой романа с усердием взялся воплощать в жизнь свой последний проект – резиденцию, парки, виллы, где жил и Й. Б. Тито. Когда Афанасий Разин собирался возвести Белый дворец как столичную резиденцию Тито, то все исчезло, разрушилось, подобно карточному домику – призрачную страну засыпал снег. Таково метафоричное изображение автором краха «мифической страны всеобщего социалистического равенства, которую строили коммунисты» [27, с. 11]. Фамилия героя рождает в сознании русского человека ассоциации с вольнолюбием и бунтарством, что и воплощается в романе «Пейзаж, нарисованный чаем».

Немаловажную роль играет и отчество главного героя. По П. Флоренскому, имя отца может играть определяющую роль в судьбе человека. Философ пишет, что «имя отцовское, через отчество, явно преобладает над собственным именем лица» [22, с. 53].

Путешествие Афанасия пролило свет и на тайну рождения героя. Он отправился на поиски следов, как он думал, своего отца – серба Косты Свилара, а выяснилось, что его настоящий отец – русский математик Федор Алексеевич Разин. Следовательно, Афанасий приобрел и новое отчество – Федорович. Имя *Федор* тоже оставило след в русской истории. Царь Федор, сын Ивана Грозного, стал последним в династии Рюриковичей на русском престоле. Известно, что М. Павич читал трагедию А. С. Пушкина «Борис Годунов», более того, она положена в основу его «Уникального романа». М. Павич не мог не знакомиться с историческими источниками по этой теме и тем более не мог не знать, как характеризовал царя Федора старец Пимен:

...на престоле
Он воздыхал о мирном житии
Молчальника. Он царские чертоги
Преобратил в молитвенную келью... [17, с. 54].

После смерти царя Федора Ивановича на Руси началось Смутное время. Так что в имени героя романа М. Павича – *Афанасий Федорович Разин* – слышится бунт и смирение, смятение чувств, в нем вьюги свистящих *с*, *ф*, воющих *и*, *ий* и бури, бураны, вихри с рокошущим *р*. Чуткий и внимательный читатель может почувствовать противоречивость, двойственность природы героя.

Действительно, в Афанасии Свиларе-Разине нашли свое воплощение черты как идиоритмика, так и кенобита. Герой понимает, что, будучи одиночкой по своей сути, он не сможет найти себе применение в этой жизни: «Просто-напросто он не принадлежал к общинникам, или зодчим, и не было у него предназначения строить. Теперь он знал, в чьей тени змеи самые злые. Всю жизнь он пытался выйти из роли, которая была ему предопределена издавна установленным порядком вещей, и неудивительно, что все его усилия были тщетны. Несчастье его заключалось в том, что был он идиоритмиком» [15, с. 96]. Со сменой имени он меняет и свою сущность – становится общинником. На протяжении многих лет Разин-кенобит успешно строит карьеру, живет с любимой женщиной. Однако к концу своей жизни он приходит к выводу: невозможно обмануть себя. Провести жизнь не так-то просто. Умирает он в том же статусе, в котором и родился, – Атанасом Свиларом, идиоритмиком, неудавшимся архитектором, сыном отцов-завоевателей.

Русское имя дано и настоящему отцу Афанасия. Интересно отметить, что само сочетание фамилии *Разин* с именем *Федор Алексеевич* иронично. Великий царь Петр I был Петром Алексеевичем, а Федор Алексеевич – его старший брат, слабый здоровьем и правивший недолго из-за ранней смерти. Обращает на себя внимание и отчество героя. Из многих русских имен было выбрано именно это. По П. Флоренскому, таким именем обладают люди, плохо приспособленные к самостоятельной жизни. Философ называет это онтологически болезненным свойством, которое проявляется как во внешней, так и во внутренней неприспособленности человека [22, с. 202]. Здесь возникает аллюзия на Алешу Карамазова из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Так, сила и слабость, бунтарство и нерешительность сочетаются в фамилии, имени, отчестве героя.

История Федора Алексеевича Разина – это ироничный рассказ о русских интеллигентах, в которых есть и бунтарство Разина, и инфантилизм и безволие Обломова. Отцу Афанасия М. Павич посвятил отдельную главу в своем романе – «Потешная история о Федоре Алексеевиче Разине». История погружает читателя в Россию эпохи сталинизма. Первоклассный математик после вступления в партию не по своей воле стал жертвой сталинских репрессий. Используя традиционный сказочный зачин, содержащий слова «жили-были», писатель не без иронии вводит в роман своего героя: «В сталинские времена жил-был

в Москве один видный математик. Звали его Федор Алексеевич Разин. Когда-то он был красавцем и прекрасно пел...» [15, с. 230]. Пародия и ирония используются М. Павичем и в дальнейшем, когда он показывает судьбу интеллигентов в Советском Союзе. Когда Разин был вынужден пойти учиться, чтобы снова вступить в партию, «математическое» прошлое дало о себе знать. Герой не может спокойно слушать однобокие и прямолинейные суждения школьной учительницы, ведь он знает, что все относительно, и один плюс один отнюдь не всегда равно двум. Когда он допускает ошибку в собственных рассуждениях, остальные ученики хором подсказывают ему: «Постоянная Планка! Постоянная Планка!» [15, с. 238]. За свою критику математик подвергся гонениям. На примере этого героя М. Павич проводит мысль о том, что не один Разин является интеллигентом, вынужденным скрываться из-за своих знаний и проектов. Оказывается, таких, как он, много.

Русские эмигранты появляются и в другом эпизоде. Молодой Афанасий, будучи в Сербии, со своими друзьями бежит к ним учиться русский язык. При изображении эмигрантов М. Павич использует сложившиеся национальные стереотипы русских: «На уроки русского языка потихоньку бегали к бывшим белым офицерам, к эмигрантам с Украины. Такие учителя обычно любили петь под балалайку, успевали глотнуть водки между двумя словами так стремительно, что на песне это вообще не отразилось» [15, с. 46], – балалайка и водка ожидаемо выступают маркерами русской культуры в тексте, как и репрессии в случае с математиком Разиным.

Русский эмигрант у М. Павича – это человек, который не вписывается в новое общество. Е. В. Шатко, анализируя творчество сербского писателя, обращает внимание на то, что его русские эмигранты «всегда образованны, склонны к философствованию, но при этом несколько далеки от жизни» [26, с. 91]. М. Павич вводит в роман один из своеобразных женских образов – образ жены русского эмигранта, которая с момента, как уехала из России, измеряла время узелками из прядей своих волос, остриженных после отъезда. Она не говорила по-сербски. В романе представители эмигрантской среды остаются приверженцами русского языка и культуры. Например, Федор Алексеевич нередко использовал крылатые выражения, в том числе характеризующие и русских: «Русскому человеку только в дороге хорошо» [15, с. 231].

Еще одно имя, вызывающее ассоциации с русской классической литературой, принадлежит учительнице Наталье Филипповне Скаргиной. Мы наблюдаем в данном случае игру слов и смыслов, свойственную постмодернистской поэтике. Прослеживается аллюзия на роман Ф. М. Достоевского «Идиот», в частности на главную героиню Настасью Филипповну. Это один из ярких женских образов в русской литературе. В ней сочетаются красота и страстность, сила характера и душевная надломленность. Ф. М. Достоевский не случайно выбрал для героини простонародную форму имени *Анастасия* – Настасья: Настасья Филипповна – дочь мелкопоместного беднейшего помещика. М. Павич заменяет имя *Настасья* на *Наталья*. Русский читатель вспомнит Наталью Николаевну Гончарову – жену А. С. Пушкина, образец чистоты и красоты. И как нелепо, уродливо в сравнении с именем звучит фамилия *Скаргина*, в которой слышится и *карга*, и *яга*, и что-то созвучное фамилии *Ставрогин* из романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Так, на игре слов и смыслов, сочетании несочетаемого – красоты в имени и уродства в фамилии, что соотносится с внешним обликом и внутренним миром героини, – возникает пародийный образ русской учительницы. Контраст, «зашифрованный» в ее имени, раскрывается через описание внешности и поведения героини. В каждом авторском слове присутствует ирония. «Наталья Филипповна Скаргина не сидела, а стояла за своим столом, ибо она была такого роста, что, когда учительша сидела, можно было подумать, что она стоит» [15, с. 240] – переводчик удачно использует просторечие (*учительша*) как выразительное средство языка и при ее характеристике, и в ее неграмотной речи.

Еще одно русское имя принадлежит матери Афанасия, которую зовут *Анной*. Это рождает в первую очередь ассоциации с образом Анны Карениной, хотя для русского человека прецедентным является и имя Анны Ахматовой. Обе женщины прошли тяжелый, исполненный трагизма путь. Анна Каренина пережила расставание с сыном, Ахматова тоже. Лев Гумилев провел в заключении более десяти лет. Об этом времени Анна Андреевна Ахматова пишет в знаменитой поэме «Реквием».

Любовь всей жизни Анны Карениной – Алексей Вронский – оказалась не такой прочной, как ей думалось. Неоправданные надежды героини привели ее к самоубийству. Личная жизнь Анны Ахматовой, судьбы любимых ею мужчин также исполнены трагизма.

Мать Афанасия во многом повторяет судьбу Анны Карениной. Она уезжает в Россию и возвращается оттуда с сыном Афанасием, рожденным от русского математика. В описании матери тоже можно найти переключки с образом прекрасной Анны Карениной, пленяющей взгляды всех окружающих. Анна Свиляр – «высокая, красивая, с прозрачными руками и ногтями, которые пульсирующая кровь окрашивала розовым светом» [15, с. 174].

Глава-монолог матери Афанасия как особый знак помогает читателю увидеть или почувствовать сходство между героинями М. Павича и Л. Н. Толстого.

Символичным является имя и сына Афанасия – Никола. В романе неоднократно упоминается фигура Николая Васильевича Гоголя и Святого Николая Угодника, что рождает вполне определенные аллюзии. Сын Афанасия обладает такими чертами характера, какими П. Флоренский наделяет человека, названного Николаем. Такие люди, по мнению философа, достаточно эгоцентричны и не лишены завышенной самооценки. «Николай рассматривает себя как центр действий, сравнительно мало ощущая иные силы над собою и под собою. Он переоценивает свое значение в мире, и ему кажется, будто все окружающее происходит не само собою, органически развертываясь и руководимое силами, не имеющими ничего общего с осуществлением человеческих планов, а непременно должно быть *сделано* некоторой разумной волею» [22, с. 133]. Афанасий стремится изменить мир вокруг себя, достичь цели без чьей-либо помощи: «Если мне понадобится дед, я сам его найду». А главное, он осуждает своего отца за бездействие и инфантильность: «Тебе твой собственный чих дороже всего на свете. Люди наслаждаются жизнью, а ты хандришь... Живешь вот в своей скорлупе и ничего не ведаешь – ни кому дорогу перешел, ни кого задел нечаянно. Ваше поколение бездарно проело свой хлеб» [15, с. 59]. Обвинение Николы небеспочвенно. Но он принадлежит уже к другому поколению, поэтому ему тяжело понять, что чувствует Афанасий Свиляр, не имея возможности что-то изменить, пока он является одиночкой по сути своей. «Разумная воля» сына противопоставлена безвольности отца.

Стоит обратиться и к имени одной из сестер, которых посетил Афанасий Разин и которые участвуют в дискуссии о трех религиях. М. Павич называет ее *Ольгой*. Цецилия представляет католицизм, Азра – ислам, вполне закономерно, что христианство представляет русская княгиня Ольга, первая принявшая крещение. Ольга пережила страшную трагедию в 945 г.: ее муж Игорь был зверски убит древлянами, и она осталась одна с малолетним сыном Святославом. Героиня М. Павича тоже одна воспитывает своих детей.

Княгиня Ольга нашла для себя спасение в новой религии – христианстве, поскольку именно оно обращено во внутренний мир человека с его извечными вопросами о смысле жизни и о своем месте в мире.

Сестра Ольга, говоря «я тону вместе со своим домом» [15, с. 312], вероятно, имеет в виду положение христианства среди других мировых религий. В диалоге с Ольгой возникает вопрос о дихотомии Восток – Запад, об отношениях между религиями. Тонущий дом воспринимается как метафора находящегося под угрозой православия.

Интересна история сына Амалии Ризнич младшей. Он начал быстро стареть и к восьми годам умер. Читатель понимает, что в имени героя сокрыта загадка его судьбы. Оно «появилось за три года до него самого, или же за пять лет до того, как Амалия встретила Пфистера, и имя навсегда осталось старше самого мальчика» [15, с. 316]. В трагической судьбе и имени этого героя – Александр – угадывается аллюзия на раннюю гибель А. С. Пушкина. Т. Попович, сербский литературовед, считает, что биографические факты «своего любимого поэта Павич толковал не только как факт биографии и судьбы, но и как жизненно творческий принцип», повлиявший на его поэзию и прозу [16, с. 68].

Как видим, антропонимы в романе, отсылающие к русской литературе и культуре в целом, создают особый, по словам Ю. А. Блиновой, «вертикальный контекст произведения, очерчивая его культурные и социально-исторические рамки, и открывают читателю внутренний мир героев» [4, с. 160].

Выводы. Таким образом, анализ имен героев романа становится ключом к пониманию исторических и культурных пластов, связанных с Россией, в постмодернистской прозе М. Павича. По словам Е. М. Шастиной и Ю. К. Казаковой, антропонимикон писателя «способствует возникновению смысловой многомерности текста, является средством воплощения авторской интенции» [25, с. 258], что подтверждает настоящее исследование.

В интервью писателя упоминается о том, что духовно сербы сформировались на русской культуре. Это подтверждает и анализ антропонимов в романе М. Павича «Пейзаж, нарисованный чаем», устанавливающих интертекстуальные и ассоциативные связи с классикой русской литературы, представленной именами А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, отсылающими к русскому фольклору, русской истории и культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтухова О. А. Ономастический контекст в постмодернистской литературе (на материале произведений В. Пелевина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Волгоград, 2004. – 24 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина ; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
3. Белоконева А. О. Антропонимы в постмодернистском тексте: структурные и функциональные типы (на материале произведений В. О. Пелевина) // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 360. – С. 7–10.
4. Блинова Ю. А. Прецедентные имена и названия в художественном дискурсе (на материале романа Вольфганга Херрндорфа «Чик») // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2019. – Т. 25, № 1. – С. 155–160.
5. Богданова Е. В. Литературные антропонимы в испанском языке // Преподаватель XXI век. – 2020. – № 4. – С. 372–385.
6. Болдырева С. М. Фольклорные и псевдофольклорные антропонимы и их роль в произведениях М. Семенович [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – Т. 11, № 2. – URL : <https://sflk-mn.ru/PDF/15FLSK220.pdf> (дата обращения : 25.05.2022).
7. Бондалетов В. Д. Русская ономастика : учеб. пособие для пед. ин-тов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
8. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.
9. Горбаневский М. В. Ономастика в художественной литературе : филол. этюды. – М. : Изд-во Ун-та дружбы народов, 1998. – 87 с.
10. Зайцева К. Б. Некоторые вопросы стилистической ономастики // Ономастика Поволжья : тез. докл. 3-й науч. конф. – Уфа, 1973. – С. 74–79.
11. Карпенко Ю. А. Ономастика в художественной литературе // Ономастика : проблемы и методы. – М. : Наука, 1978. – С. 68–79.
12. Магазаник Э. В. Ономапоэтика, или «говорящие имена» в литературе. – Ташкент : Фан, 1978. – 96 с.
13. Михайлов В. Н. О специфике литературной ономастики // Вопросы стилистики. – 1983. – Вып. 124. – С. 21–37.
14. Никонов В. А. Имена персонажей // Поэтика и стилистика русской литературы / под ред. М. П. Алексева. – Л., 1971. – С. 407–419.

15. Павич М. Пейзаж, нарисованный чаем : роман-кроссворд ; пер. с серб. Н. Вагаповой, Р. Грецкой. – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2016. – 384 с.
16. Попович Т. Пушкин – сокровенный герой прозы М. Павича // Болдинские чтения – 2014. – Н. Новгород : ООО «БегемотНН», 2014. – С. 62–72.
17. Пушкин А. С. Избранные сочинения. – М. : Худож. лит., 1990. – 654 с.
18. Пчелов Е. В. Имя Александр в русской дворянской антропонимии дореволюционного времени // Вопросы ономастики. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 9–29.
19. Рылова К. Ю. Прецедентные антропонимы как экспликативы социокультурных смыслов (на материале произведений авторов-постмодернистов) // Филология и лингвистика в современном обществе : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). – М. : Буки-Веди, 2014. – С. 95–97.
20. Скуридина С. А. У истоков литературной ономастики // Нефилология. – 2019. – Т. 5, № 17. – С. 54–61.
21. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М. : Наука, 1973. – 336 с.
22. Флоренский П. Имена. – СПб. : Азбука : Авалон, 2011. – 314 с.
23. Фомин А. А. Ономастическая пушкиниана: о поэтонимах Ларин, Ларины в романе «Евгений Онегин» // Вопросы ономастики. – 2021. – Т. 18, № 2. – С. 156–176.
24. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте : учеб. пособие. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 104 с.
25. Шастина Е. М., Казакова Ю. К. Функционирование литературных антропонимов в произведениях Э. Канетти и К. Хоффера // Научный диалог. – 2020. – № 1. – С. 257–269.
26. Шатъко Е. В. Русские мотивы в прозе М. Павича // Россия и русский человек в восприятии славянских народов / отв. ред. А. В. Липатов, Ю. А. Созина. – М. : ООО «Центр книги Рудомино», 2014. – С. 525–531.
27. Шатъко Е. В. Художественная структура романов М. Павича (некоторые аспекты поэтики) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. – М., 2020. – 159 с.
28. Щетинин Л. М. Русские имена (Очерки по донской антропонимике). – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1978. – 196 с.

Статья поступила в редакцию 30.05.2022

REFERENCES

1. Altuhova O. A. Onomasticheskiy kontekst v postmodernistskoj literature (na materiale proizvedenij V. Pelevina) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. – Volgograd, 2004. – 24 s.
2. Bahtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva / sost. S. G. Bocharov; tekst G. S. Bernshtejn i L. B. Deryugina ; primech. S. S. Averinceva i S. G. Bocharova. – 2-e izd. – M. : Iskusstvo, 1986. – 445 s.
3. Belokoneva A. O. Antroponimy v postmodernistskom tekste: strukturnye i funkcional'nye tipy (na materiale proizvedenij V. O. Pelevina) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 360. – S. 7–10.
4. Blinova Yu. A. Precedentnye imena i nazvaniya v hudozhestvennom diskurse (na materiale romana Vol'fganga Herrndorfa «Chik») // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. – 2019. – Т. 25, № 1. – S. 155–160.
5. Bogdanova E. V. Literaturnye antroponimy v ispanskom yazyke // Prepodavatel' XXI vek. – 2020. – № 4. – S. 372–385.
6. Boldyreva S. M. Fol'klornye i psevdofol'klornye antroponimy i ih rol' v proizvedeniyah M. Semenovoj [Elektronnyj resurs] // Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya. – 2020. – Т. 11, № 2. – URL : <https://sfk-mn.ru/PDF/15FLSK220.pdf> (data obrashcheniya : 25.05.2022).
7. Bondaletov V. D. Russkaya onomastika : ucheb. posobie dlya ped. in-tov. – M. : Prosveshchenie, 1983. – 224 s.
8. Vinogradov V. V. Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1963. – 255 s.
9. Gorbanevskij M. B. Onomastika v hudozhestvennoj literature : filol. etyudy. – M. : Izd-vo Un-ta druzhby narodov, 1998. – 87 s.
10. Zajceva K. B. Nekotorye voprosy stilisticheskoy onomastiki // Onomastika Povolzh'ya : tez. dokl. 3-j nach. konf. – Ufa, 1973. – S. 74–79.
11. Karpenko Yu. A. Onomastika v hudozhestvennoj literature // Onomastika : problemy i metody. – M. : Nauka, 1978. – S. 68–79.
12. Magazanik E. V. Onomapoetika, ili «govoryashchie imena» v literature. – Tashkent : Fan, 1978. – 96 s.
13. Mihajlov V. N. O specifikе literaturnoj onomastiki // Voprosy stilistiki. – 1983. – Vyp. 124. – S. 21–37.
14. Nikonov V. A. Imena personazhej // Poetika i stilistika russkoj literatury / pod red. M. P. Alekseeva. – L., 1971. – S. 407–419.
15. Pavich M. Pejzazh, narisovannyj chaem : roman-krossvord ; per. s serb. N. Vagapovoj, R. Greckoj. – SPb. : Azbuka : Azbuka-Attikus, 2016. – 384 s.

16. Popovich T. Pushkin – sokrovennyj geroy prozy M. Pavicha // Boldinskie chteniya – 2014. – N. Novgorod : OOO «BegemotNN», 2014. – S. 62–72.
17. Pushkin A. S. Izbrannye sochineniya. – M. : Hudozh. lit., 1990. – 654 s.
18. Pchelov E. V. Imya Aleksandr v russkoj dvoryanskoj antroponimii dorevolucionnogo vremeni // Voprosy onomastiki. – 2022. – T. 19, № 1. – S. 9–29.
19. Rylova K. Yu. Precedentnye antroponimy kak eksplikatory sociokul'turnyh smyslov (na materiale proizvedenij avtorov-postmodernistov) // Filologiya i lingvistika v sovremenном obshchestve : materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, noyabr' 2014 g.). – M. : Buki-Vedi, 2014. – S. 95–97.
20. Skuridina S. A. U istokov literaturnoj onomastiki // Neofilologiya. – 2019. – T. 5, № 17. – S. 54–61.
21. Superanskaya A. B. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. – M. : Nauka, 1973. – 336 s.
22. Florenskij P. Imena. – SPb. : Azbuka : Avalon, 2011. – 314 s.
23. Fomin A. A. Onomasticheskaya pushkiniana: o poetonimah Larin, Larina, Lariny v romane «Evgenij Onegin» // Voprosy onomastiki. – 2021. – T. 18, № 2. – S. 156–176.
24. Fonyakova O. I. Imya sobstvennoe v hudozhestvennom tekste : ucheb. posobie. – L. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1990. – 104 s.
25. Shastina E. M., Kazakova Yu. K. Funkcionirovanie literaturnyh antroponimov v proizvedeniyah E. Kanetti i K. Hoffera // Nauchnyj dialog. – 2020. – № 1. – S. 257–269.
26. Shat'ko E. V. Russkie motivy v proze M. Pavicha // Rossiya i russkij chelovek v vospriyatii slavyanskikh narodov / otv. red. A. V. Lipatov, Yu. A. Sozina. – M. : OOO «Centr knigi Rudomin», 2014. – S. 525–531.
27. Shat'ko E. V. Hudozhestvennaya struktura romanov M. Pavicha (nekotorye aspekty poetiki) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.03. – M., 2020. – 159 s.
28. Shchetinin L. M. Russkie imena (Ocherki po donskoj antroponimike). – Rostov n/D : Izd-vo Rostov. un-ta, 1978. – 196 s.

The article was contributed on May 30, 2022

Сведения об авторах

Маслова Алина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-9367-1473>, al_mas@mail.ru

Зоткина Анастасия Сергеевна – магистрант 2 курса специальности «Русская литература» филологического факультета Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия, zotkinaa@yandex.ru

Author Information

Maslova, Alina Yuryevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-9367-1473>, al_mas@mail.ru

Zotkina, Anastasia Sergeevna – Second-year Master's Degree Student (Major in “Russian Literature”), Faculty of Philology, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, zotkinaa@yandex.ru